ЦЕНА 30 КОП.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Да здравствует власть Советов Рабоч., Крестьян., Красноарм. и Казач. Депутатов!

ГОЛОС БЕДНЯКА

Издание Витебского Губисполкома.

Условие подписки:
на 3 мес.— 4 руб.
на 1 год—15 руб.

ВЫХОДИТ ПО ПОНЕДЕЛЬНИКАМ.

№ 15. | 9 ДЕКАБРЯ 1918 ГОДА. | № 15.

Адрес редакции:
Витебск,
„Голос Бедняка"
в помещении редакции „Известия Витебск. Губсовдепа".

Товарищи, читайте свою газету и присылайте свой материал!

Не так страшен американец, как его малюют.

Кто думает, что американцы все—империалисты, тот жестоко ошибается.

Американские солдаты, такие же трудовые люди, тоже бредут на фронт потому, что их толкают, гонят.

В Америку уже много лет переселяются рабочие и крестьяне из всех стран Европы Большинство народа там—из этаких переселенцев. И теперь во Франции американская армия состоит из них же—из немцев, австрийцев, итальянцев, русских, швейцарцев по рождению.

Что же? рабочие и крестьяне немцы и австрийцы, русские должны с охотой идти против таких же рабочих и крестьян немцев, австрийцев, русских? Конечно нет.

Золото и железо гонят их. Скрепя сердце, стиснув зубы, они стреляют и аттакуют.

Пусть теперь французы, например, сделают революцию. Американские богачи-империалисты горько раскаются, что послали во Францию солдат, у которых сердце горит злобой против своих господ.

Дело может кончиться только поражением французских и американских буржуев, союзом революционных рабочих и крестьян всех стран.

Стоит ли бояться что нас задавят?

Бояться не стоит.

Всесветной войне приходит явственный конец.

У победителей война произвела такое же страшное разорение народа, голод, мор, как и у побежденных.

Что получат еще победители, если станут войну продолжать?

Ничего кроме усиленного голода, мора, разоренья.

Какой же рассчет французским, итальянским, английским, американским трудовым людям тянуть еще эту гибельную для них войну?

Никакого рассчета.

Поэтому нам надо ждать не того, что нас задавят, а совсем другого.

Нам надо ждать, что наши братья-рабочие и крестьяне в Италии, Франции, Англии Америке подымутся вскоре против своих империалистов, как сделали мы.

Читайте последние телеграммы! Вы видите: это там и происходит уже!

Так чего же трусить?

Нормальный строй.

Добропорядочный и искренний буржуй не верит, чтобы мог быть иной строй, чем тот, с которым он сжился.

Буржуазный строй он считал тем, что чуть ли не самым роком установлено на веки вечные.

Когда приходили люди и говорили ему о том, что не кучка богатеев должна править массами, а масса должна сама править собой, он этому не верил; если же такой строй устанавливался, он считал это каким-то горестным недоразумением и все ждал, когда же установится настоящий порядок.

Он и поныне ждет.

Но вот что происходит. Для поддержания этого нормального порядка оказываются необходимыми чужеземные солдаты.

Едва постороняя сила покидает страну, как опять устанавливается этот неприемлимый и непонимаемый буржуем советский строй.

На Украину за тысячи верст ехали немецкие солдаты.

В Баку для этого строя понадобились приехавшие из-за четырех морей английские солдаты.

Финская буржуазия просит помощи, крича, что едва уйдет последний немецкий солдат, как появится первый красноармеец.

И Сибирское правительство просит заморской подпоры.

Только Советская власть стоит без посторонней поддержки.

Едва уходят войска империалистов, как сами собой возникают Советы со своими отделами, как организуются Комитеты бедноты.

Советская власть ниоткуда не просит помощи, но сама бьет своих врагов.

Советский строй, несмотря на то, что на него ополчились все силы, стоит и падать пока не собирается.

Более того—Советских стран прибывает, тогда как буржуазные правительства все более и более недосчитывают товарищей в своих рядах.

Пусть же буржуй подумает, какой строй является ныне нормальным и какой ненормальным.

Какой строй может быть теперь после этой империалистической войны, заставившей прозреть миллионные массы?

Какой строй может удержаться в России после того, как массы в течение года прожили без ига капитала и сумели управляться сами?..

Д. Невзоров.

Кающиеся грешники.

За последнее время много говорят о переломе, происшедшем среди меньшевистских и прочих грешников.

Со всех сторон сыплются покаянные резолюции, в которых обанкротившиеся «марксисты», бия себя в грудь и побрякивая веригами, падают ниц перед Советской властью и признаются в любви Октябрьской Революции.

Тем не менее, искренность этого раскаяния вызывает самые серьезные сомнения.

В самом деле, если мы имеем дело с действительным переломом в убеждениях наших противников, то почему же это просветление меньшевистских умов наступило именно теперь, после полного разгрома чехо-словацких и других контр-революционных банд, когда, вследствие этого разгрома и начавшегося революционного движения на Западе, непобедимость Советской России стала очевидной?

Откуда такое удивительное совпадение между настроениями меньшевиков и гебелью надежд отечественной буржуазии на низложение большевиков?

Неужели в течение 12 месяцев меньшевиков не могла осенить столь простая и ясная мысль, что для социалистов должна быть желательнее диктатура пролетариата, нежели диктатура помещиков?

Невольно напрашивается логический вывод, что политические враги наши, чувствуя свое бессилие и опасаясь быть выброшенными за борт новой жизни, спешат одурачить нас ласковыми речами, на подобие того волка из басни Крылова, который попался в ловушку и должен был дать ответ за все свои пакости.

Мы не сомневаемся в том, что большинство из них делает это со скрежетом зубовным, и если бы представилась малейшая возможность, эти кающиеся грешники не отказали бы себе в удовольствии снова лягнуть ту самую Советскую власть, которую они теперь притворно лобызают.

Пресловутый перелом объясняется очень просто.

Когда Российский пролетариат основательно переломал ребра всем контр революционным организациям, то, естественно, следы этого „перелома" должны были обнаружиться и на дряблом теле меньшевистских реакционеров.

И теперь эти вышедшие в тираж инвалиды имеют наглость приблизиться к праздничному столу, установленному цветами и трофеями, добытыми кровавыми трудами трудового народа, и дерзают занять за этим столом почетное место

Но умудренный горьким опытом пролетариат, слишком жестоко поплатившийся в прошлом за свою чрезмерную доверчивость и неуместное великодушие, не может теперь легкомысленно отнестись к тем лукавцам, которые вчера еще готовы были его задушить.

Это не месть, а политическое благоразумие.

Если же вы, господа меньшевики, не верите в наше благоразумие, то пощадите хоть нашу брезгливость!

Не можем же мы, в самом деле, сидеть за одним столом с теми, у кого одежда и руки не омыты еще от контр-революционных нечистот, в которых они копошились в течение целого года!..

Долго еще придется им стоять на задних, у двери социалистического здания и основательно очищать себя от „всякия скверны", и только тогда, когда у нас будет полная уверенность в их искреннем желании, без затаенных мыслей, братски работать вместе с нами,—мы допустим их в святую святых пролетарского храма.

Мы охотно верим вам, что вы—грешники, да еще какие!

Но позвольте же, господа хорошие, нам убедиться в том, что вы—действительно, кающиеся!..

С. Миндлин.

В трудовой пролетарской коммуне Нет богатых и нет бедняков!..

Общественная обработка земель.

Разрушение старого хозяйственного порядка деревни не могло пройти безболезненно. И нет ничего удивительного, что громадные участки земли остались незапаханными, навоз в поле не свезен, производительность земли упала, а что самое главное, в начале закон о социализации земли привел к раздроблению земли на мелкие участки.

Одной из главных мер улучшения сельского хозяйства должно быть уничтожение черезполосицы и организация крупных сельских хозяйств. Это даст возможность ввести улучшенные способы полеводства, животноводства и т. д.

Во многих местах уже поняли преимущество крупных хозяйств и стремятся к нему.

Образуются коллективные (товарищеские) хозяйства—коммуны и артели, хотя все эти хозяйства пока еще не могут поднять производительные силы в деревне, потому что строятся они по кустарному способу.

Но все же они имеют большое значение.

Они служат примером для образования коммунистических хозяйств, они усваивают усовершенствованные способы земледелия, они проводят идеи социализма в сельском хозяйстве.

Однако, для Советской России надо добиться, чтобы десятина земли, засеянная рожью, давала не 40—60 пудов, а 150—200. Этого надо добиться, как можно скорее.

А достигнуть этого можно принудительным уничтожением черезполосицы, введением улучшенного полеводства, общественной запашкой и т. д.

В деревне уже такое движение началось. Целые волости и уезды делают уже попытки перейти к общественной запашке полей.

Общественную обработку земли надо поставить в государственном масштабе, т. е. ввести во всей Советской России.

В скором времени соберется Всероссийский Съезд земотделов, и ему в первую очередь придется разработать вопрос об общественной обработке полей и наметить план проведения этой задачи на деле.

Этим будет углублена революция в деревне. Это приблизит нас к социализму.

А. М.

Помощь крестьянам.

Советское правительство всеми силами старается улучшить и развить сельское хозяйство в стране.

В настоящее время образовывается специальный денежный фонд (запас) в 1 миллиард рублей. Запас этот будет сделан для выдачи пособий и ссуд крестьянам на всевозможные улучшения сельского хозяйства. Пособия и ссуды из этого запаса будут выдаваться сельско-хозяйственным коммунам и трудовым товариществам, сельским обществам и сельским группам, если эти группы от единоличной обработки своего участка на поле перейдут к общей обработке.

При этом пособия будут выдаваться при обязательном соблюдении таких условий: получивший ссуду должен на своем участке земли вести хозяйство, теми способами, которые установлены земельным отделом. Полученная ссуда не должна быть возвращена деньгами, а погашена натурой (хлебом и овощами).

„ЛАНПОЧКА“.

Сижу на перроне станции, верстах в сотне от Омска, рядом со мною плотно уселся здоровенный мужик с трубкой в зубах. Спрашиваю его:

— Далеко едете?

Отвечает неторопливо и важно:

— В Омской, за лектрическими лампами. У нас в деревне лектричество пущено, по проволокам, знаешь.

— Давно?

— Не особо.

Прошу его рассказать, как это они додумались до такого нововведения? И вот почти дословный рассказ мужика:

Узнамши, что с октября в Омском власть переменилась, называется Советской и будет вводить социализм, собрались мы всей деревней и порешили узнать—в чем дело и какие Советы дают народу.

Выбрали старика Левонтия, — старик дошлый — наказываем: вот тебе 30 целковых, езжай в Омской, узнай там какая Советская власть и что за большевики объявились, много ли их и сицилизм,—что такое? Научись.

Недели через две воротился Левонтий, а с ним — солдат. Собрались, поставили Левонтия на стол —докладай. Докладает: так и так, говорить, нечего, все хорошо, однако—про остальное солдат лучше меня доложит. Мы—за солдата: ты кто таков? Я, говорит, самый и есть—большевик, камунир и останусь у вас, ежели вы меня комиссаром поставите. Подумали—подумали становися! Покорно, говорит, благодарю, товарищи, дайте, оглядеться.

Через неделю обгарнизовали Совет—я тоже в Совете — Левонтий уж научился, чему надо и говорит:

— Как стали мы теперь на точку и называемся большевики, то обязаны разрушить и созидать.

Ну, разрушать у нас нечего. Тогда солдат говорит:

— Ежели мы камунири, так должны реквизовать. Есть у вас буржуазиат?

Мы молчим — не в домек нам, что такое. А солдат—снова:

— Есть буржуазиат?

— Виноваты, говорим,—нету!

— Ну, говорит, вы сами себя не знаете, а я вам его найду. Давайте говорит, мне народу!

Собрали мы ему шестьдесят человек, поехали они с ним в село, верст за сорок от нас, через день воротились, привезли с собой двенадцать человек богачей и десять тысяч целковых царскими бумажками. Солдат докладает:

— Вот вам буржуазиат!

Спрашиваем их:

— Это—вы?

— Мы, говорят.

— А мы—камуниры и желаем с вас реквизовать.

— Сколько?—спрашивают.

Мы отошли в сторону, посоветовались.

— По 3 тысячи—говорим.

Буржуазиат кричит:

— Много! Берите по две.

— Мы, говорим не по десять тысяч просим с вас, чего торгуетесь, обормоты!

Согласился буржуазиат;

— Верно, говорят! Вы бы черти и по десяти могли спросить.

Оставили нам подзаложника и поехали за деньгами, а через сутки прислали честь—честью сорок две тысячи накопилось у нас, значит 52 тыс.

Собрались на совет, Левонтий у нас председатель.

— Вот говорит, реквизовали мы, теперь чего будем делать?

Один говорит: школу надо строить, другой—автомобиль купить и поочеред ездить на нем; для этого — сначала дорогу исправить. Это мы забраковали.

Тут солдат выручил.

— В городах, говорит, имеется лектричество и от него пожаров меньше. Дело это — пустяковое: ежели, говорит, спустить в воду колесо, чтобы оно вертелось, да соединить его с динамой машиной, а от нее пустить проволоку, да на конец проволоки присадить ланпочки—ланпочка загорится и — готово дело. Поняли.

— Очень ясно говорим.

Послал солдата в Фомской за машиной, а деньги Левонтий повез. Всетаки, он хоть и солдат, а—чужа душа, Левонтий же свой. Долго ждали их возврату, наконец—едут и везут чегой то, а с ними еще четверо чужих.

— Кто таковы?

— Ремонтеры.

— Ну, ладно, зовись, как хошь, только дело делай!

Сняли с машины чехол, глядим—машина непонятная, ну, видать однако что работать способна и своих денег стоит. Ладно. Ремонтеры эти—командуют во всю. Сделали большое колесо, опустили в речку—у нас речка быстрая, середи деревни текет, в Объ вливается, —приладили к колесу ремень, зацепили за машину — вертится она, ажно искры летят. Боязно. Ну решили сначала провести лектричество в попов дом. Левонтий где то узнал, что церковь выделяется из нашего государства. Позвали попа, Левонтий его убеждает.

— Пошел вон из дому поп!

Мы кричим то же самое и главный ремонтер с нами, а сам проволоку в руке держит. Выгнали попа, влезли все в дом к нему, старшой ремонтер возится с проволокой а мы кому, охота речи говорим. После того ремонтер командует:

— Занавешивай окна, чем попало!

Занавесили. Темно, ажно жуть берет. Молчим. И вдруг—сияние, аж глаза слепит, это ланпочка загорелась. Ну мы и говорим:

— Желательно, чтобы кажному в избу по ланпочке!

Ремонтер согласен.

— Можно!

Так всем и провели.

По скорости мужики из соседних деревень узнав наши дела просят:

— Нельзя ли и нам попользоваться?

Солдат научил нас, чтобы не камунирам не давать огня, ну, мы так и говорим

— Ежели желаете—объявите себя камунирами!

Конечно, объявляют, дело не трудное выгнали попа, устроили в его доме читалку и—кончено.

Ремонтер учит нас

— Проведем к ним проволоку потолще, пустим по ней лектричество и будем за это деньги брать.

Так и решили.

Соседи подыскали подходящий буржуазиат, обреквизовали его на 60 тысяч, построили для обучения неграмотных детей и взрослых училище, выписали хорошого учителя и четыре ланпочки прицепили—за ланпочками следит один из наших, приходит, будто под видом ученья а у самого часы, он и следит правильно ли жгут?

Дело выгодное, зарабатываем.

Теперь все вокруг нас стали думать о хорошем огне—удобство с ним, свет, сколько хошь, а пожарной опасности от ланпочки нет.

Только одно непривычно не прикурить от нее проклятущей ни лучину зажечь.

М. Горький.

АВОСЬ.

Про нашу слабость русскую
Известно всем и каждому:
Мы, русские, надеемся
На шаткое «Авось».
Авосью мы питаемся,
Хоть это блюдо—горькое,
Авосью—прикрываемся
Заместо зипуна...
Какие мы политики!
Мы люди неученные:
Одну науку знаем мы,
Зовут ее—Авось...
Когда войну мы кончили,
То в Бресте все мы съехались
Был тяжек мир грабительский,
Мы ж думали:—«Авось»...
Авось, узнав условия,
Что в Бресте диктовали нам,
Все в мире люди честные
Вильгельма проклянут?
И что-ж? Не обманулися
Мы в дерзких ожиданиях:
В Германии—восстание!
Вильгешеньке—капут!..
На русских пролетариев
Шли банды белой гвардии,
Чтоб задушить нас заживо,
Мы-ж думали:—„Авось“..
Авось, услышав как нибудь,
Что русского рабочего,
За благо всех восставшего,
Американец жмет,—
Рабочие немецкие,
Румынские, болгарские,
Швейцарские и польские
Восстанут у себя..
И что-ж? Горит Румыния,
Италия, Голландия,
Болгария и Сербия
И—Швеция горит!
И крепко все мы думаем:
— Быть может, и Америка
На русского рабочего
Охотой не пойдет?.
Ведь, сердце есть у каждого
Живое, справедливое,
Святое, неподкупное?..
Есть у людей душа!
И вот нам, глупым, кажется,
Что гражданин Америки,
Приплывши в нашу дикую,
И—темную страну,
Чтоб лихо с ней расправиться,—
Почувствует величие
Всего народа русского,
И—шапку снимет он? —
Авось... Мы верим пламенно
В поступки небывалые,
В события высокие,
В красивые дела!
И пусть твердят нам умные,
Что вера наша—детская
И пусть сулят нам горести,
Пророчут гибель нам,—
Не раз осуществлялися
Все думы наши тайные
И сказка превращалася
В действительность не раз!.
Брюзжите-ж, осторожные!
Мы верим в невозможное!
И, радостью тревожною
Пронзенные насквозь,
Душой мы чуем страстною,
Что близки дни прекрасные.—
Нам не изменит красное,
Волшебное Авось!—

Дарвалдай.

Не повторяют наших ошибок.

Нам понадобился целый год, чтобы против стройно-организованного класса трудящихся встал с оружием ясно очерченный класс тунеядцев, против красной гвардии—белогвардейцы

И год этот дал хороший урок Европе,

Там ни та, ни другая сторона не повторяет наших ошибок, по крайней мере, грубых.

С самого начала в Европе поняли, что социальная революция —не шутка и словами ее не заговоришь, как это у нас пробовали Родзянки и Керенские.

Вчера мы прочли в телеграммах, что сынки лейпцигской буржуазии удалили из университета красное знамя и образовали белую гвардию. Четыре тысячи безработных немедленно же потребовали вооружения рабочих.

И те и другие поступили правильно: незачем и не к чему сговариваться двум вражским станам.

Одним—не к лицу красное знамя, разъярющее их папаш, как откормленных бешенных быков; другим—не следует обольщаться приторно-ложным соглашательством меньшевистского фасона.

Или—идите к нам и с нами, или—ждите нас, как врагов.

Урок наш Европой воспринят. Надо думать, что, благодаря этому, события там пойдут еще более быстрым ходом, чем у нас.

Ив. Горелов.

Мужики всех деревень на белом свете,- объединяйтесь!

ИЗ ПЛЕНА.

— Цу-рюк, цу рюк, цурюк!.

Казалось, колеса товарного вагона отбивают эти слоги на каждом стыке рельс.

Пленные лежали друг на друге согреваясь и не шевелясь.

Почему они молчаливы? Почему не воодушевлены, не возбуждены?

— Цурюк, цу-у рюк.

Поезд остановился.

У всего вагона—одно ухо: что за станция? Название не благозвучное.

В вагоне снова все притихло. Сколько ночей не спят, и не спится!.

У каждого своя дума с массою часто и быстро сменяющихся мыслей; в центре всех их прочно и упорно стоит одна: домой!

Пусть теперь действительно кто-нибудь вздумал бы вернуть их назад. Нет, этого никакими силами нельзя было бы осуществить. Мертвым и их можнобыло бы вернуть!.

Поезд идет и с каждым новым стуком колес на стыках приближает их к дому

Как-то в России?. Верна ли жена?. Не покосились ли сени в избе; цела ли крыша?.

Поди, Дмитревка разрослась.. Жеребенок, чай, в хомуте ходит. Пожалуй ,Васютка грамоте выучился. Скоро ли удастся большевиков сбросить? А что, если село спалили и разорили!. Социалисты.

Мало ли мыслей в головах бродит; не перечесть, не пересказать.

Много появилось мыслей, они победели туго-мыслие, и горе, страшное несчастье подняло массы людские очень высоко; другими люди стали.

Нет, они не захотят повторения войны; они отдадут остатки сил против войны; они будут воевать против такой войны; которую затеяли для себя цари и купцы. Вынести еще что-либо подобное - это же невозможно!.

Надо жизнь перестроить.

Никогда не будет другого такого времени, чтобы это желание было столь велико и единодушно среди людей обездоленных, истрадавшихся, перенесших несказынные насилия и муки!

Они пошли бы, они пошли бы на все за иную жизнь человеческую,но несчастье такое: появились эти большевики, разбойничьи банды, разбивают до основания города, села, растреливают народ без конца.

— Цу-рюк, цу-урюк!.

Поезд остановился. У всего вагона одно ухо; что за станция?

— Товарищи-и! Пересадка- а!

Одно мгновение казалось: поезд привез могильную тишину. Потом он сразу вспыхнул, тысячами жизней ожил, задвигался.

— Господи, благослови!.

Один из пленников припал к земле: целует:—

— Родная!.

— Брось целовать, товарищ: земля везде одинакова. Беги ка за кипятком скорее, согрейся. Вот чудак!.

Красноармеец искренне смеялся

Вспугнутый пленник опасливо взглянул на говорившего, потом встряхнулся, засмеялся и побежал за другими.

— Чудаки!

Свисток. Все по вагонам.

Колеса отбивают нечто новое:

— Вот так-так, вот так-так!

— Ты куда?

— В Костромскую.

— А я—в Тамбовскую. Сказывают, в губернский надобно заехать.

— Для чего?

— В комиссию заявиться; билет выдадут. Коли болен,—лечить будут, пенсии определят увечным, и кому надо—ноги, руки выдадут, говорят.

— Ой, ли для того? Неужели пенсии дадут? Думаю в армию заберут.

— Вестимо, здоровых возьмут, кому положено.

— Эх и что делается на свете Божьем—не разберешь. Гляди, работает ведь народ суетится. Где же большевики-то эти? Не видать их. Сила ихная, где же? Ни жандармов. ни офицеров. Чудно! Не верится, как это без них, без командиров, поезда идут, все на месте--службу справляют. Али и в прямь народ заправлять стал?.

— Насчет продовольствия слабовато.

— Слабовато да.

— В Деревнях, говорят, есть сколько угодно.

— Дай бог. Отъесться бы

— Пошел долгий разговор насчет еды и хлеба.

— Перво на-перво скажу: спеки, Татьяна, горячий хлеб.

— Ха, видное деле: коль спечет—будет горячий.

— И наемся—не дыхнуть, и завалюсь на печку.

— Вре-ешь.

Смех.

— Братцы не даст ли веревочку кто: отлетела подошва, подвязать бы.

Веревочки не оказалось; кто-то передал кусочек тряпки:

— Скрути ее и подвяжи.

— Спасибо.—Кое как дощечка-подошва была прилажена— Добраться бы.

— Теперь доберемся и без аммуниции.

Да уж—аммуниция! На всех какие то тряпки, кофты, обрывшиколий. рогожи,—черт знает что! А на дворе зима... Чрезчур много страданий выпало на долю людей.

И, несмотря на это, чутко тревожно и зорко присматриваются пленные ко всему, на пути встречающемуся.

Они страстно хотят увидеть такое, что хоть чуть-чуть удовлетворило бы их изголодавшуюся гордость.

„Русские свиньи“, их же иначе не называли; это все, что послал им в догонку в плен царизм.

В паследнее время, там же в плену, эти слова раздавались все реже и реже.

Они не понимали, но чувствовали, что новая власть,—правда по словам шуцманов, разбойничья власть,—подымает их, в достоинство человеческое возводить.

Им никто не разъясняет, но по дороге сама жизнь агитирует за новую, неслыханную Рабоче-Крестьянскую власть.

Весь мир кричит против большевиков. А кто кричит? Это надо в толк взять. Подожди, не сразу поймут.

— Гляди, гляди: во красноармейцы пошли; смотрят сюда, смеются... Ишь-ты, подзадоривают... Кокарды какие; без эполет; какой части—неизвестно... Ловко идут ребята, и ружье вниз. Потеха!

Красноармейцы привели пленных в возбуждение.

— Вот тебе и банды!

— Как услышал я это слово «товарищ» и точно сердце кто-то сжал, дух захватило, в слезу ударило...

— Э эх! Ро-ссия-матушка! Рабочий народ.

Ив. Рябчинский.

Будем работать „обществом!“.

Работа „обществом“, артелью, товариществом известна была во все времена.

И каждый знает, что в такой работе труд каждого работника становится гораздо производительней и что соединять свои усилия с усилиями других людей гораздо выгоднее, чем работать в одиночку.

Но коммунизм потребления, коммунизм пользования жизненными благами обычно встречает очень мало сочувствия.

Хотя в тех же трудовых артелях люди нередко и живут вместе и пользуются общим столом и по всей видимости ведут общую жизнь, но каждый обыкновенно считает такое положение временным и стремится вырваться из него туда, где можно чувствовать себя «дома».

Дома—это значит—в стороне от других, в замкнутой враждебности ко всему миру.

Эта замкнутость и нежелание обращаться с людьми в деле пользования жизненными благами в конце-концов каждому обходятся очень дорого.

Отдельное жилище для каждой семьи, отдельная кухня, отдельное все остальное хозяйство—это отнимает так много лишних сил и средств, что переход к коммунизму потребления сразу освободил бы громадное количество людей от совершенно непроизводительного и в общем довольно-таки тяжелого труда.

Значительное количество мероприятий по проведению в жизнь коммунизма потребления могут быть проведены в порядке общегосударственного законодательства. Так учреждение достаточного количества приспособленных к потребностям населения столовых легко вытеснит домашнее приготовление пищи и тем освободит громадное количество стряпух от совершенно лишней работы, сбережет большое количество топлива и поможет лучшему использованию продовольственных продуктов.

Устройство общественных жилищ даст возможность каждому найти помещение согласно действительным потребностям и сбережет много сил и средств по управлению, содержанию и ремонту жилищ по сравнению с тем, как если бы каждый жил в своем отдельном доме.

Точно также общественная заготовка и ремонт одежды очень многих освободили бы от мелочей домашней жизни для более полезных и резумных занятий.

Нечего и говорить, что серьезное проведение в жизнь коммунизма потребления требует от нас много таких качеств, какими мы до сих пор совсем не обладали.

Тысячелетиями создавалось и внедрялось в людей собственность.

Где бы мы ни были, мы не можем отрешиться от заботы использовать свое положение для устройства своих единоличных домашних дел.

Слишком привыкли мы тащить и прикарманивать.

Живя в артели, мы только и думаем, как бы нам побольше съэкономить—побольше урвать от артели, поменьше дать в артель.

Конечно, целиком провести монастырский устав и потребовать полного отречения от всякой собственности,—это и едва ли возможно, да и едва ли необходимо. Но наши обычные стяжательские наклонности должны быть сильно ограничены.

Пока этого не произойдет, наши попытки насадить коммунизм потребления будут постоянно терпеть крушения.

Но неудачи не должны нас останавливать.

Делая все новые и новые попытки, мы, в конце концов, выработаем в себе необходимое для новой жизни бескорыстное отношение к тому, что является общественным достоянием и служит для удовлетворения потребностей наших ближних; вместе с нами.

Всем ясно, что до сих пор люди жили не так, как надо; слишком сторонились друг друга, не доверяли друг другу, завидовали один другому и даже не прочь были воспользоваться несчастием ближнего.

Но вот пал буржуазный строй. Устанавливается строй социалистический.

Теперь государство берет на себя руководство всей хозяйственной жизнью. Оно же принимает на себя обязательство заботиться об удовлетворении всех наших потребностей.

Это значит, что теперь нам нет никаких оснований стремиться к наживе на счет ближнего.

Это значит, что, работая на благо социалистического государства, мы тем самым обеспечиваем себе удовлетворение всех своих потребностей.

Но это также значит, что благоприятные условия для осуществления коммунизма потребления окончательно сложатся лишь тогда, когда стройная социалистическая организация успеет охватить хотя бы лишь важнейшие моменты производства и распределения.

Но для попыток сознательного идейного коммунизма потребления имеются и сейчас достаточно благоприятные условия.

Воспользовавшись ими, мы облегчим работу будущего.

С. М.

— Школы у нас, вот, тоже нету. Надо-бы свою школу наладить.

— Хорошо бы, да как?—затруднятся крестьяне

В самом деле—как? Деревня эта бедна, темна, убога. Стоят жалкие встрепанные избы с гнилыми крышами, даже помещения для школы нет.

Но Сысой—ртуть. В тот же вечер он исчезает из деревни. Не слышно его металлического голоса.

Через неделю Сысой влетает ко мне сияющий:

— Сделано, товарищ!

— Что сделано?

— Да школа. Денег дадут, учителя дадут. Просто сказать—наладил на славу.

— А помещение?

— Попа выселим—вот тебе и помещение.

Мужики говорят.

— Сысой наш—министер. Такая голова, что сыскать не сыщешь.

— Что тут министер,—возражает Сысой,—Давай-ко попа выселять. Попа выселим школу наладим. В школу наладим—тогда. Еще у меня одна дума есть.

И горит, и волнуется и хлопочет. Огонь-человек.

Несогласный,

Вез меня со станции маленький седенький мужичек. Весь он пушистый какой-то, белая бороденка—точно пух, из под драпной шапки вылезают белые пушистые волосы.

Полдороги он молчал; доехали до моста—он крякнул, обернулся и неожиданно сказал:

— Дело выходит табак.

— Кому табак — дело, а кому житье,—пошутил я.—Вы про кого это?

— Да про меня самого. Потому я есть несогласный, вот что.

— С чем несогласный?

— Оченно просто. Ничего не признаю. Вот режь меня на куски; не признаю и не признаю. Тут тебе и весь разговор.

Помолчал, опять крякнул и снова заговорил.

— Оратель один был тут у нас о весну. Толковал, вишь, про меньшевиков и большевиков. Так я вот за меньшевиков стою. Потому—я несогласный.

— Почему же вы за меньшевиков?

Он вдруг загорелся, глаза даже выпучил, озлился.

— Дело надо делать, а не слова говорить, вот что. Возьмем богатея нашего Осипова. Живет, гладкий черт. Почто он живет? Нет, скажи ты мне, почто он живет? Комитет бедноты чего смотрит, а? У меня ничего нету, а он живет себе, черт гладкий.

— Что же, по вашему надо сделать с Осиповым?

— Что делать? Хлеб у него закопан. Много хлеба. Ты и смекни, что делать. Хлеб отобрать и вся задача. Да только ли в Осипове дело?

— А в чем еще?

— В Титовке, вон, хресьяне вместях живут, вместях землю взяли и пашут. Все у них общее. А у нас? Рази это дело, как у нас?

— Стало быть, вы стоите за коммуну?

— То-то, что не мы, а я. Потому я и несогласный. Говорят говорят, дыр-дыр-дыр—а толку ни на копейку. Тьфу! Поймали, намедни одного человека, бумаги у его нашли такие. Пропечатано в них—против Советов. Арестовали и в город увезли. Это разве полагается?

— А что полагается?

— Чт? Самосильно надо было порешить его, вот что. На то власть у нас, бедняков, чтобы самосильно. Да-а!

— Какой же вы после этого меньшевик? По моему вы самый настоящий большевик.

— Я то?

— Вы.

— Никакой я большевик. Несогласный я—вот что.

Повернулся спиною ко мне и больше всю дорогу не промолвил ни слова.

Василий Петров.

По красным деревням.

(Картинки).

Кулачье.

Воскресенье. В церкви скончилась служба. На площади, подле церкви, на бревнах сидят местные кулаки, щурятся на солнце, лениво разговаривают.

—Ну как, Кузьма,—обращается один кулак сиплым голосом к своему соседу, утрамбовывая пожелтевшим ногтем свою трубку. Ездил вчерась в город?

Э, брат, не вспоминай лучше,—вздыхает тот.

—А что? Ограбили?

—Ограбили, окаянные! Хотел я провезть мешочек муки. Ну, пудиков с пять—да напоролся на антихристов. Спрашивают:

—Что везешь?

—Ничего, говорю, не везу.

А он коня цап да к возу.

Я и так, и эдак:

—Товарищ! Сестре везу-дескать Дети у нее голодные, сама голодная, помирает. Товарищ.

На лицах кулаков жадное внимание.

—Ну?

—Ну, и отобрал, черт окаянный

—А ты этого раньше не знал? Черти они.

—Знал-то я, знал, да видишь—тот лавошник, знаешь, рыженький этакой, сулил 250 рублей за пуд. Я себе и думаю—авось проскочу.

—Да, проскочишь! У них и на затылке, поди, гляделки.

—Это еще ничего,—успокаивал его кулак-Егор.—Говорят, будто еще по избам пойдут хлеб отбирать

Что?! По избам?!—возмущается Кузьма.—Да пущай этый хлеб лучше сгинет, чем я его антихристам отдам. Я его так закопаю, что его никакой бес не найдет.

—Да что там закопаю!—сокрушается Егор.—Вот я закопал пудов двести и кирпичем и досками завалил, и все боюсь—сгниет.

—Я же тебе сказал,—вскрикивает Кузьма.—Пущай лучше сгинет...

Кумовья смакуют трубки, сердито сплевывая в сторону.

—Намедни,—начинает Егор,—приезжал из города чиновник один... Да-а! Просит—продай два пуда муки.

—Не продам, говорю, нетути.

Пристал:

—Жена, грит, дети голодают. Николаевскими, грит, заплатить могу.

—Нужны мне они-Николаевские. Тьфу! У меня их фунта два.. Да-а! Не продам, говорю, отвяжись!

Он и давай мне грозить:

—Коли не продашь—завтра товарищи придут—отберут.

Взяло меня за сердце. Хвать его за шиворот и давай ему накладывать. Да-а!

—Ах ты, говорю, собака! Пужать задумал.

И р-раз ему, и два ему, и в ребра ему, и в ухо ему—насилу ноги унес.

—Во, за это молодчина,—хвалит его Кузьма.—Ежели бы всех этак антихристов, было бы куды хорошо

—Ого, как хорошо!

Кумовья молчат, посасывая трубочки. Мечтают, щурясь на солнце, как хорошо было бы, если бы они, кулаки, могли бы взять верх.

Самогонщики.

В деревне потухли огни. Все спит. Слышен лишь далекий лай собаки.

Вдруг в тишине ярко плеснул женский крик:

— Ах ты, анафем! Не пойдешь! Не пущу!

В ответ глухое бормотание. Не разобрать слов.

Из темноты выплыли две фигуры. Мужчина и женщина. Мужчина встрепан, без шапки. Он покачивается из стороны в сторону, пытается обнять женщину. Она с силою толкает его в грудь, он садится в снег и недоуменно разводит руками:

— Ну и сел. Вот я и сел. Я к тебе л-лаской, а ты.. Эх! И сирота же я горемычная!

Запинаясь человек мелет пьяным языком, потом растягивается на снегу и говорит:

— Стало быть, спать буду. Ниш кни баба. Я х хозяин. Стало быть, Нишкни.!

Женщина со злостью пинает ногою мужика, плюется, потом и плачет.

— О-ох, горе же мое, горе! И што я с тобою делать стану.

Далеко, на краю деревни светится окошко. Оттуда то и дело выходят мотающиеся во все стороны тени.

Мужик, лежавший на снегу поднял голову и сел. Он сжал кулак и грозит в сторону светящегося окошка:

— Ч-черте! Ом-мы! Чертое мошенство! Пья-аня? А почто пьян? И баба пошто лается? Ч-черти!

Подошел сосед пьяного мужика и стал над ним.

— Эк нализался. И возьми же какая дело: хлеба нету, а они водку гонят.

— Хозяин я, ай нет?—Спрашивает пьяный. — П-шел прочь и вопче.

— Пьяница ты,—отвечает сосед.

— Г-гы! — Смеется пьяный.—У же поршков нету—ты и не пьешь. А у меня..

Он хитро щурит глаз и тихо говорит:

— Тебе одному скажу, шабер. Хошь—куплю тебя с потрохами? Хошь а?

Баба в ужасе бросается к нему:

— Молчи, черт пьяный! Ты не слушай его, — обращается она к соседу.

— Ничего у нас нет. Все забрал комитет.

Сосед смеется в бороду:

— Ладно! Знаем! Керенки на фунты вешаете: Оттого и пьяны. Ладно.

Женщина божится, что мужик сболтнул спьяна. Сосед машет рукою и уходит.

Из избы самогонщика кулака доносятся нестройные песни, брань и гул голосов.

До зари гудит пьяная деревня, опаиваемая самогонкой.

Страшная, жалкая деревня!

Сысой.

Это высокий, крепкий, ладно скроенный человек.

Глаза у него живые, умные, острые.

Вечно он спешит, занят каким нибудь делом, хлопочет.

— Вишь ты, товарищ, какое дело. Надо бы нам коммуну свою строить, пора.

И заторопился, побежал.

Через несколько часов он уже собрал кучку деревенской бедноты и, размахивая руками, объясняет им пользу сельской комуны.

Говорит он резко, отрывисто, отсекая слово от слова.

— Наш Сысой—ого!—Хвалят его бедняки.—Он скрозь все прошел, все знает.

Сысой делает сразу десять дел. Не успел он окончить свою речь, как загорелся новым планом:

Все для победы рабочей бедноты над бездельным богачеством!

РАЕШНИК.

Вы, мужички, должно быть не слыхали ни разу про большевистскую заразу?

Буржуй против нее принимает меры, она для него опасней холеры!

Он тяжело вздыхает, красные флаги сжитает, от страху визжит и воет, выхоленные руки моет!

Неспокойно на душе у буржуаза: всему виною—большевистская зараза!

Буржуй говорит буржую:—Меру против заразы принять какую? Я и красные флаги в печке сжигал, и постельку свою одеколоном орошал и руки мыл, чтоб было чисто, раз двести или триста

Но как ты голову в раздумьи кулаками не тискай, не уйти тебе, буржуй, от заразы большевистской!

Большевистская зараза вроде невидимого газа: пахнет чудно, а словить руками—трудно!

Не предавай, буржуй, большевизм проклятью и напрасно ты, миленок, дрожишь под кроватью. Так продрожишь ты до гроба—бессильна наука против большевистского микроба!

Нету никакой на свете силы—против большевистской бациллы.

И как ты обезопасить себя от эпидемии ни старайся, как одеколоном ни окропляйся, как ни мой пухленькие ручки, не уйти тебе от большевистской взбучки!

Не вложить уже тебе спокойно ручки в брючки!

И хоть все ученые Милюковы на большевистскую заразу хотят наложить оковы и, чтоб быть аккуратными в деле, докторские халаты надели но упрятать—согласно кадетскому наказу—никак им не дается большевистскую заразу!

Как борются буржуазы против страшной заразы я перечислять не стану—скоро устану!

Один—берет ванну другой—чтоб заглушить тоску смердячую в баню спешит горячую.

И много грешных кадетских душ спешат под холодный душ но и баня буржую не помогает—все большевистская зараза пугает!

И хотя бы только в России были эпидемии такие! А то какая история печальная!—бунтует и Швейцария нейтральная и как не дойти до уныния!—неспокойна даже Румыния!

Вот случай странный! Болезнь перебирается в иные страны! Ах какое коварство—не придумали против нее лекарство!

Говорят, большевизм лечат Вильсоном! Помогает будто миллионам!

Но хотя вильсоновские облатки

Сладки,

Но эти самые облатки Вильсона были хороши во время оно!

Теперь эти облатки—без полезного последствия—против большевистской заразы нет буржую никакого другого средствия как (не средствие, а рай)

Ложись да помирай!

Краснобай из села Голодай

Да здравствует союз бедняков города и деревни!

Товарообмен.

15 пудов хлеба—таковы результаты операций по товарообмену Витебского городского продовольственного комитета в течении первого месяца.

15 пудов хлеба—это яркая, характерная иллюстрация современных взаимоотношений города и деревни.

Город переживает тяжелые, ужасные дни голода. Уже несколько месяцев городская беднота не получает того мизерного хлебного пайка—1/4 фунта в день—который получала раньше. На почве голода свирепствуют болезни, и смерть своей костлявой рукой ежедневно уносит много жертв.

Город голодает. Во имя хлеба город отказался от всех удобств, отдав и галоши, и ботинки, и соль, и керосин и теплое белье для товарообмена, в надежде разбудить крестьянство, сытое, одетое, обутое крестьянство, крестьянство, получившее от революции все блага.

15 пудов хлеба—таков был ответ крестьян.

Они предпочитают закапывать хлеб, сбывать его спекулянтам, чем менять на последние крохи, на последние пожитки города.

Мы понимаем, что крестьянская беднота ничем не может помочь голодающему населению города, ибо сами голодают.

Но где же то **среднее крестьянство**, которое воспользовалось всеми благами пролетарской революции, во имя интересов которого пролетариат проливал и проливает свою кровь?

15 пудов хлеба—таков ответ этого крестьянства на все попытки городского пролетариата добыть себе продовольствие.

Это тяжелый, но полезный урок для пролетариата.

Урок, который должен окончательно убедить его в том, что у него нет союзников, что „дело освобождения рабочего класса должно быть делом рук самих рабочих".

Г—н.

Грамота гражданина-социалиста.

Как боролись в древности бедняки с богачами.

Далеко от нас, в теплых краях, на юге Балканского полуострова, находится государство Греция. Это государство старинное, ему больше чем 3000 лет.

Балканский полуостров окружен морем—оттого греки научились мореходству и стали торговать с соседними народами. Так как они много ездили по свету, то видывали всякие виды и сделались самым образованным народом в то древнее время.

Греки в древности жили так: каждый род, т е каждая семья со всеми ее родственниками жила отдельно, а всеми делами правил старший в роду, отец или дед. Он делал дележку, он чинил суд и расправу и все его слушались.

Понемногу дело вышло так, что несколько семейств породнились между собою и стали жить вместе, так что из поселка вырос город.

В таком городе оказалось несколько старших, несколько глав породнившихся семейств. Эти главы семейств вместе с их сыновьями и близкими родственниками стали начальствовать и управлять и мало-помалу захватили в свои руки земли и богатства.

А остальные—далекие родичи—попали к ним в кабалу и сделались бедняками.

Воюя с другими родами и народами, греки брали пленных, которых обращали в рабов, заставляя их работать на себя даром.

Рабы совсем ничего не имели, их продавали на базаре, как скотину, и делали с ними, что хотели. Закон же защищал раба, раб не имел никаких прав.

У греков образовались маленькие государства. Каждый город был государством. В этих государствах были три класса людей: первый класс—богачи, которые имели в своих руках всю власть, все богатства и большинство земель; называл себя этот класс эвпатридами, что значит благородно-рожденные; второй класс были крестьяне и ремесленники; этот класс назывался демосом, или демократией, что означает народ: третий класс—были рабы.

У них не было никаких прав и никакого имущества и сами они принадлежали не себе, а своим господам, которые купили их на базаре или взяли на войне в плен.

Для того, чтобы иметь больше силы, города—государства соединялись в союзы, и во главе каждого союза становился самый богатый город. Так образовалось два союза: один союз городов—государств во главе с городом Афины, а другой—во главе с городом Спарта.

Первый союз назывался афинским союзом, или Аттикой, а второй назывался Спартанским союзом

Афинский демос, т е народ был недоволен такими порядками, что всю власть и все богатства захватили богачи—эвпатриды

Тем более они были недовольны, что из самых богатых помещиков эвпатридов богатых выбирали в цари, так что в Афинах была царская власть, которая шестила и обижала бедноту.

Беднота очень долго боролась с классом эвпатридов, пока, наконец, не свергнула царскую власть, и власть сделалась выборной.

Но все таки все государственные должности и все управление государством попало в руки эвпатридов, а не бедняков.

Чтобы беднота не задумала продолжать революцию и не стала бы добиваться равенства, эвпатриды установили твердую, железную власть.

Такая власть называется диктатурой.

Если бы бедняки победили, они установили бы свою диктатуру, чтобы окончательно задавить богачей.

Но так как победили богачи, то они ввели свою диктатуру и поставили главарем над государством своего человека, по имени Дракон.

Дракон издал жестокие законы. За малейшую провинность карали смертью, особенно строго наказывали за захват земли или имущества у богатеев.

Когда Дракону удалось своими жестокими законами усмирить взбунтовавшуюся греческую бедноту, на его место стал правитель, по имени Солон, который написал новые законы.

По этим законам весь греческий народ делился на пять классов.

Самые богатые—это был первый класс, который получил все права и все должности в государстве.

Этот класс должен был в случае войны доставлять самое дорогое вооружение для войск.

Второй класс были те, кто победнее.

Эти имели меньше прав, чем самые богатые, но зато должны были давать на войска более дешевое вооружение.

Последний класс были неимущие люди. Они никаких прав не имели и никакого вооружения не давали, но должны были в случае войны идти простыми солдатами.

Ясно, что эти законы Солона были на пользу богачам, и удалось такие законы установить потому только, что богачи победили бедняков.

Так всегда бывает: когда богатеи побеждают бедноту, они устанавливают свои законы, которыми закабаливают трудящийся класс бедноты.

Но греческий трудящийся народ, демос, не успокоился.

Ему было очень трудно жить, его разоряли и притесняли эвпатриды. Греческая беднота продолжала революцию и, в конце концов, победила богачей, а, победивши их, устроила новый порядок в государстве, демократический, т е народный порядок

Об этой победе греческого демоса (бедноты) и об этом новом порядке мы расскажем в следующем номере нашей газеты

Як. Яковлев

Борцы за право бедноты.

II *).

Спартак.

Это было около двух тысяч лет тому назад, в Риме.

Рим был тогда самым большим и сильным государством в мире и вел вечные войны с соседями. Для этих войн набирались солдаты из крестьян, которые разорялись и беднели, а их земли переходили к римским помещикам.

И когда крестьяне возвращались с войны, они, уже не возвращались в свои деревни, на свое разоренное место, а оставались в городах, где образовали мало-помалу многочисленный класс пролетариев-бедняков.

Во время своих войн римляне забирали пленных.

Этих пленных они превращали в рабов, продавая их на рынках, как скот.

Господин, купивший раба, был волен над его жизнью. Он мог делать, что хотел, с рабом, мог убить его и не отвечал за это.

Так как рабов становилось все больше и больше, то они стали очень дешевы. Настало такое время, когда раба можно было купить, примерно на наши деньги, за целковый.

Тогда римские богачи, пользуясь дешевизной рабов, сделали их бойцами, которых выпускали друг на друга и заставляли их себе на потеху убивать друг друга Такие бойцы, сражавшиеся в цирках, назывались гладиаторами.

Один из таких гладиаторов по имени Спартак, воспользовался недовольством рабов и поднял восстание против римских богатеев.

Гладиаторы—рабы знали военное дело и были хорошо вооружены, так как римляне сами научили их владеть оружием и вооружили их.

Римские богачи сделали это для забавы, а гладиаторы употребили оружие против своих господ угнетателей.

К Спартаку присоединились обнищавшие из-за войн крестьяне, пролетарии и вся беднота.

Все кому жилось тяжело в Римском государстве, примкнули к Спартаку.

Эта большая армия бедноты взяла с собою много римских городов, где отворила все остроги и выпустила засаженных туда рабов.

Спартак сражался за освобождение обездоленных горемык.

Но он сам хорошо не знал, как устроить жизнь по новому, если ему удалось победить войска римских богатеев.

И потому, что у Спартака не было своего плана, своей организации, оттого, что он действовал наудачу, да к тому же толпы народа, приставшие к нему, не умели биться в строю, как вышколенные, выученные римские солдаты—оттого Спартака с его войсками римские войска вскоре отогнали от городов и загнали в горы.

Там, в горах, Спартак долгое время отбивался от римского войска.

Он, может быть, и отбился бы от них, да случилась беда.

Друзья Спартака, видя, что положение становится опасным, задумали выдать Спартака римлянам, чтобы спасти свои головы.

Они напали на Спартака, когда он не ожидал этого, связали его и предали римлянам.

Лишившись своего предводителя, толпы бедноты потеряли дух и рассеялись.

Римляне привезли Спартака в Рим и бросили его в клетку, где сидел голодный лев. Лев растерзал Спартака.

Так погиб защитник бедноты—Спартак.

А погиб он оттого, что между беднотой не было согласия и что среди нее оказались предатели.

Погиб он также оттого, что класс богачей был тогда организованнее (согласнее действовал), чем класс бедняков.

М. Костров.

*) См. № 14 „Голоса Бедняка"

Матушка провинция

Уносят ноги.

В Ухотской волости Речевского уезда, несколько лет проживал некто г. Д. А. Калыгин, приехавший в эту волость из Кирилловского уезда.

В начале его отец, а потом и он сам разными правдами и неправдами составили себе капитал накупили земли, понастроили боярских палат, благо все это в дореволюционное время сделать было легко, пользуясь чужим трудом, чужим добром и чужой кровью (при постройке дома Калыгину убился один из работавших) и жили себе припеваючи, ставя в каждое воскресенье и праздник 10 к. свечки за блага и радости, которые они приобрели якобы от Бога, но на самом деле от бедняка Ухотлянина.

Но грянули две революции: февральская мало задела за живое г. Калыгина, а октябрьская до поры до времени заставила призадуматься.

Темен в массе народ Ухты и Калыгин, пользуясь этим, с октября до сентября этого года царствовал среди Ухотлян, стараясь на каждом шагу вредить Советской власти, сея смуту и приучал к неподчинению народной власти, к неисполнению распоряжений ее.

Но всему бывает конец.

На Калыгина был наложен налог (1800 р.). Чтобы не платить, Калыгин не мог дальше скрывать своей непримиримой ненависти к народной власти и открыто встал против нее

Кажется, куда проще: местная власть взяла бы да и задержала Калыгина.

Но не тут то было. Благодаря какой то преступной халатности со стороны этой власти время было упущено и когда прибыл из Каргополя отряд красной армии для задержания Калыгина, то его не оказалось, он провалился сквозь землю...

И только тогда Ухотляне, почесав затылки, поняли в чьих кровожадных лапах они сидели.

„Сначала подай, а потом помирай

В Константиновской волости (Закубенский приход) духовный отец получает вперед дельги с живогозапохороны:—сначала подай, а потом умирай.

Живет там Савелий Петров, 86-летний старик; не имеет он своего дома, не имеет хлеба, живет в пастухах.

Видит поп, что недолго проживет старик, он ему и говорит:

Слушай, Савелий, тебе скоро помирать; нет у тебя родни, некому будет платить за твои похороны, а без денег я не буду хоронить. Если хочешь в рай попасть, давай вперед за похороны 30 рублей.

Старик денег дал Прошел год, а он до сих пор не помер

Два пуда муки за... старуху.

В городке Севске, Орловской губернии, один кулак, всем кулакам кулак, пришел к попу просить похоронить его старуху. Поп знал, что Иван Сергеевич богат и предложил ему похоронить старуху за 2 пуда муки. Кулак разозлился и сказал:

— Что это, батюшка, ты съума сошол, за такой пустяк брать два пуда муки. За старуху я тебе и фунта не дам.

Так и рассорились два союзника—поп и кулак.

Справочник бедняка.

В этом отделе мы будем отвечать на вопросы, с которыми обращается к нам беднота. Письма с вопросами надо писать по адресу: Газета „Голос Бедняка", Витебск.

Т. Твердохлебову. Самая надежная защита революции—это красная армия, в которую принимаются только рабочие и бедняки.

По мобилизации берут всех—буржуев и рабочих. Но буржуев назначают на тыловые, черные работы, потому что опасно дать им в руки винтовку.

Если вы хотите, как вы пишете, взять на себя такое дело где вы могли бы защищать революцию, не жалея своей жизни, записывайтесь в красную армию.

Записываться можно в любом военном комиссариате.

Т. Маркину. Вы спрашиваете—скоро ли наступит социализм?

Он наступит тогда, когда рабочий класс победит капиталистов во всем мире и отнимет у них орудия производства, т. е. земли, фабрики и заводы.

Т. Банаеву. Товарищ! Голод дороговизна не оттого, что у власти стоят большевики, а оттого, что проклятая 4 летняя война истощила все запасы в стране и расстроила транспорт, то-есть доставку провианта с мест, где он есть.

Вот, во Франции у власти стоят буржуи, а там такой же голод и такая же дороговизна, как у нас.

Чтобы беднота не голодала, надо скорее разбить буржуазную контрреволюцию, которая мешает большевикам устроить правильный, социалистический порядок, когда не будет ни голода ни дороговизны.

Т. Бойко. Советская власть—это власть рабочих и бедняков.

Разве такая власть может быть врагом рабочего класса? Это вам черносотенцы внушили, будто власть Советов вредна для рабочего класса.

Перескиньте сами мозгами, и если вы, действительно бедняк или рабочий, то стоит вам хорошенько подумать над жизнью и вы поймете это.

Т. Крашевичу. Если вы хотите познакомиться с программой большевиков, купите или достаньте книжку: „Программа партии Коммунистов (большевиков) Бухарина.

Стол бедняка.

Использование гнилого картофеля.

В продовольственном отделе Московского Совета доктором Воскресенским был сделан доклад о приготовлении хлеба из гнилого картофеля.

Были произведены опыты выпечки хлеба из 44 проц. гнилой картошки и 56 проц. муки. Опыты увенчались успехом.

Оказался только недостаток: вследствие того, что печи городских пекарен к массовой выпечке не приспособлены, хлеб получается более низкого качества, если приготовлять сразу его большие массы.

Приготовленный из картофеля хлеб почти не дает припека но совершенно безвреден для здоровья, так как гнилостные бактерии убиваются дрожжами при процессе брожения.

Чтобы использовать массы порченного картофеля, как это делается и сейчас в Германии, продовольственный отдел решил продолжать опыты с усовершенствованием выпечки и приступить к приготовлению хлеба с картофелем.

Чай из моркови.

В Ряжске, в виду отсутствия чая, вырабатывается морковный чай.

Морковь тонко режут, сушат в печи до потемнения.

Получается великолепная замена чая которая в размолотом виде заменяет кофе.

Редактор В. Пикман.